

Эх, велика страна Рассея — от края край не увидать, птице за неделю не перелететь.

Велика, да бестолкова. Богатств не перечесть, хоть сто лет считай. Все есть — чего только душа не пожелает, а распорядиться тем богатством никак не выходит. С какой стороны не возьмись, одна похабень получается — как ране без портов ходили, так и нынче. Раньше все вместе непотребством отсвечивали, что не так обидно, а нынче всяк по отдельности срамотой мелькает.

«А чего бы вам рукава не засучить да не взяться, да не поднять, такие богатства имеючи, да не построить себе славную жизнь? — удивляются иноземцы разные. — Мы вот, ничего в земле своей не имея, работой одной хорошую жизнь себе добываем».

«Так то — вы, а то — мы! Ты хрен с оглоблей не ровняй! Тут чего не засучивай, один черт выйдет фигура без масла!» — сами про себя отвечаем мы.

Поганый у нас народишко. Работать не любит, всё норовит в теньке прилечь, да вздремнуть всласть, вместо того, чтобы тачку толкать.

Вороватый, опять же. Чего не положи, да отвернись на миг малый, и нету уже! Слямзили паразиты. Вот даже то, чего не надо тащат, даже то, что потом не продать, не подарить. Только если выбросить. А всё ж надо урвать у ближнего и к себе унести. Как с таким народом жить?

Опять же пьют. Много и чего не попада. Такое пьют, что просвещённому европейцу в голову не придёт. Может, они тем самым раковины моют и засоры сортирные прочищают, а мы внутрь употребляем без закуси. Мрём от того тыщами, а всё ж таки пьём! Без всякого удержу и оглядки.

И всяк норовит другого с ног до головы обгадить словами непотребными, а то и по роже дать или зарезать в пьяном угаре.

И все друг дружку за это не любят и себя, и страну свою хают распоследними базарными словами, и радуются, ежели где что запольхает или повалится, и ждут потрясений и бед больших, аки счастья, и судачат о том взахлёб, ещё пуще жути нагоняя и находя в том какую-то свою радость. И пугают друг дружку: ужо хуже будет! Ох, будет, будет... Скоро-скоро! Как будто праздника ждуг.

Такой народишко.

И правители ему под стать — из дерьма — дерьмо, а то и хуже! Ну, просто как на подбор. И воруют, и народец свой не уважают, а презирают всячески, бога не чтут, заповеди не соблюдают — прелюбодействуют, желают, воруют, мзду берут.

И народ им тем же отвечает. Такая жизнь...

Такое распоследнее государство, чтобы ему в тартарары провалиться совсем!

— Так выходит, народ у вас никчёмный и лучше ему совсем стинуть? — вопрошает удивлённый иноземец.

— Это чего это ты такого сказал? Чего нас хаешь?! — возмущается наш народишко. — Чего напраслину возводишь и слова обидные ртом своим поганым говоришь.

— Так это не я, это вы! Про себя! Сами!

— Мы — можем! Мы, что хочешь про себя сказать право имеем, а ты не смей! Мы держава, где всяк за своего грудью встанет и любого врага сокрушит, в порошок сотрёт и порошок тот по ветру развеет! Потому как народ мы хоть и безпорточный, с голой ж... но зато весь особенный, с загадочной душой!

— И то верно, — вторят правители расейские, которые при портах, да к тому ж бархатных. — Путь наш особенный, иноземцу не понятный. Нам и с голым задом ничего, хоть даже на еже сидючи. Потому, что мы не такие, а другие — своеобразные. И ежели что — всем мало не покажется!

И ведь не врут, собаки! Потому как спиваясь, злобясь, воруя и облик человеческий теряя, вдруг, подхватившись, едут куда-то на Балканы жизни свои за «братушек» класть. И кладут, не задумываясь.

А те недобитые, недомученные, недопытанные, генералы и полковники, коих в рвы расстрельные штабелями складывали, будучи на волю отпущенными, не к врагу сдаваться, от обид справедливых бегут, а напротив, воевать живота своего не щадя... Да как же так, когда им только что ногти рвали и достоинства их мужские каблуками топтали, а они страну эту и правителей ее и палачей своих защищают?

А вот потому! Потому что от своих по мордасам или хоть пулю в затылок получить не зазорно. А когда чужой в драку суётся — это совсем иное дело! Тут терпезу нет!

И становится народишко этот никчёмный, глупый да вороватый, бездельник на бездельнике, пьянь на пьяни, монолитом, который кого хочешь в бараний рог скрутит. И даже всяк по отдельности готов не за деньги и награды, а за просто так работать в поте лица, кровушку литрами лить и хоть даже голову в бурьян сложить.

И фиг же их поймешь, откуда они такие берутся и что ими движет.

Потому что есть такие.

Точно — есть!

* * *

Тишина в Кремле. Безлюдье.

Хотя за каждой дверью торчит референт, советник или помощник. Как мыши в амбаре. Потому что Кремль он и есть наши главные закрома. Тут ссыпают, складируют, отмывают, сушат, зарывают, растаскивают, употребляют. И если ты в гуще, да при деле, то и тебе зёрнышко другое перепадёт. И никто ничего не заметит. Ну, потому что много всего. До черта! Где-нибудь в Люксембурге чуть умыкнешь — и сразу дырка в бюджете зияет, и разборки, и охи с ахами. А у нас — благодать...

Вот прошмыгнул кто-то тихой тенью с папочкой под мышкой. Сильно озабоченный государственными делами. Нет подде кормушке суеты, потому что главное условие: когда тащишь, не шуми, не привлекай к себе внимания. А если зарвался, то тебя цап за ушко да на солнышко. Но не как за мешок картошки. То есть пожурят, красивый браслет наденут поносить, а потом простят и послом в Венесуэлу сошлют, что приравнивается к строгому режиму. А если к общему, то в Европу, но не в Западную, а в Восточную, к нашим бывшим друзьям по блоку, чтобы впредь неповадно было!

Конечно, случается, что и сажают что и на кол, если ты что-то не то уволок, не твое, а кому-то другому предназначенное, за что по всей строгости... Потому как иерархию надо чтить и попере́д батьки и родичей его в чугунок ложку не соваться.

Так живёт Россия-матушка. Как издревле жила. Пристроилась при троне — в кафтанах золотом вышитых ходить станешь. А нет — быть тебе голю перекаточной.

И хоть тишь да гладь вокруг, да в тишине шепоток:

— Того съели со всеми потрохами...

— А тот из доверия вышел и... весь вышел.

— А этот с тем в сговор вступил против того, и теперь они его сообща свалят, чтобы на место, сам знаешь, кого посадить...

Говорят, шуршат подле трона придворные, как тараканы на кухне, чтобы не упустить, вовремя прознать, услышать, переметнуться. Чтобы нос по ветру держать. А коли упустил чего, да не с тем и не так за ручку поздоровался, то вмиг от кормушки отлучён. Тут уж не до работы.

А поверх всех — народа своего и придворных — Государь восседает. Бровки хмурит и державкой стучит. Силится чем-то там управлять. Слугами своими, кои, прогнувшись, благоговейно речам его внемлют, но чуть отвернись, норовят стащить чего из сокровищниц царских и, карманы набивши, к ворогу через кордоны пограничные улизнуть.

И выходит, что Государь сам по себе, слуги государевы — сами по себе, ну а народ и вовсе не у дел. Всяк сам по себе и сам за себя. И как тут быть?

8

Вот расселись кружком тесным слуги государевы, да все не простые, а из самых Тайных канцелярий, коим доверена охрана интересов державных. В глаза Хозяину заглядывают. Уши вострят.

— Существующая внешнеполитическая обстановка... Кризис доверия... Иностранные поползновения... Неблагоприятный расклад...

Ну да, так и есть. А когда в России был благоприятный расклад? Да и был ли вообще?

Горячие точки... Сфера интересов... Восток... Дальний... Ближний... Средний...

— Прошу высказываться по проблемам интересующего нас Региона в средне- и долгосрочных перспективах.

Присутствующие переглянулись. Ну какие тут могут быть перспективы? Какие прежде были, такие и будут, то есть — никаких. Если в долгосрочной. И даже в среднесрочной. Кабы в краткосрочной, то можно было бы там чего-нибудь намутить, кого-то сместить, кого-то убрать. Но потом всё придёт к началу — брошенный камень утонет, ряска сомкнётся. Регион будет воевать, постреливать, сводить друг с дружкой счёты. И чего не предпринимай, будут там резня, кровь и междоусобица. Как было веками.

Но так говорить нельзя, иначе как оправдать миллиардные вливания в свои ведомства? И покатались по ушам обтекаемые, как бильярдные шары, фразы:

— Наметившиеся тенденции позволяют выстраивать среднесрочные прогнозы с известной долей оптимизма...

— А можно конкретней?

— Предположительное развитие событий... алгоритм действий...

Ну, не хотят говорить слуги государевы по сути — если взглянуть с нашей стороны на вашу сторону, то ваша сторона не наша, а противоположная... Где-то так... Потому как если ляпнешь что-нибудь конкретное, ухватят тебя за язычок, припечатают и хрен после отбрешешься.

— А если «без»?

— Без чего?

— Без алгоритма?

— Нужно находить рычаги влияния на существующие политические течения, чтобы стимулировать закрепление тенденций, обеспечивающих дальнейшее...

Опять о том же...

— Что говорят западные эксперты?

Что? Ерунду всякую — что надо привнести в Регион цивилизацию, привить ценности, внушить истины, объяснить перспективы... И всё будет хорошо — станет волк ягнёнком и будет бляеть и травку клыками щипать.

То есть искренне считают, что если роту солдат-срочников заслать на перевоспитание в женский монастырь, то их там приучат к посту, смирению и воздержанию. И пытаются убедить в этом всех, в том числе себя. Только вряд ли что из этого получится. Задерут тем монашкам юбки под самый подбородок, поставят в положение к лесу передом, а к себе чем надо и оприходуют к всеобщей радости. И скоро станет тот монастырь весёлым солдатским борделем. И справиться с таким исходом если и можно, то лишь используя непопулярные решения, в виде бараньих ножниц, то есть обстригая личный состав под корешок, как блудливых котов.

Вот так надо ответить Хозяину.

Но так ответить нельзя. Потому что мировое сообщество... Да и нет сил для бараньих ножниц. Предшественники, те, которые раньше без спроса на чужие континенты лезли, продвигая коммунистическую идеологию в полуфеодальные страны, ещё могли позволить себе действовать внаглую. А нынче — нет. Нынче надо с оглядкой.

Но как такое сказать? Никак нельзя. И приходится как-то так — много и ни о чем.

— Прошу по персоналиям.

Персоналии хорошо известны — по двадцать лет на группировках сидят, люди все уважаемые, заслуженные и потому прогнозируемые.

Абу-Джази... Али-Акбар... Салим-Хамид...

— Кто представляет для нас наибольшую опасность?

Зашуршали папочки. Те, прежние «львы пустыни», постарели, жирком взялись, клыки свои, некогда грозные, поисточили. Ещё, конечно, порывают грозно, но уже больше пугают, чем свежее мясо рвуг. А кто тогда? Кто-то из новой поросли?

— Скорее всего, Галиб.

— Что у вас по нему есть?

Много чего есть. И... почти ничего. Воюет отчаянно, не щадя ни своих ни чужих. Агрессивен, подмял под себя несколько десятков группировок. Удачлив — раз до сих пор жив. Но кто он такой, откуда пришёл, какому роду принадлежит — не известно. Лица его никто не видел, голоса не слышал, потому как принял он священный обет, поклявшись молчать и не показывать лица своего до полной победы ислама во всем мире.

Странный тип.

— Насколько он может быть полезен или опасен нам? Прошу высказываться.

— Скорее, опасен. Он собрал вокруг себя, вернее подмял, значительные силы. В настоящий момент в его прямом подчинении находится несколько тысяч бойцов. Кроме того, к нему примкнули и под ним ходят ещё несколько десятков более мелких боевых формирований. Плюс союзничество с крупными террористическими организациями.

— Что значит союзничество?

— Они обязались обмениваться информацией, объединять усилия при планировании крупных операций и оказывать друг другу вооруженную помощь. Суммарно Галиб может мобилизовать до десяти тысяч активных штыков.

— Но это же целая армия!

— И очень боеспособная. В отличие от многих других полубандитских группировок, он формирует свою команду по армейскому образцу, добиваясь жесточайшей дисциплины и беспрекословного подчинения.

— Каким образом?

— Жестокостью. Он отрезает уши тем, кто что-то не расслышал, и вырывает глаза у тех, кто-то что-то проглядел.

— А если что-то не так понял?

— Отрубает голову.

— И от него не бегут?

— К нему — бегут! Он хорошо платит и слывет удачливым воином. Недавно он нашёл и собственноручно обезглавил журналиста, приговорённого исламистами к смерти за написанную им книгу, оскорбляющую Аллаха. Другие безуспешно гонялись за ним полгода. А Галиб — нашёл. Теперь он — национальный герой.

— Он может влиять на расстановку сил в Регионе?

— Самым серьёзным образом.

— Вы имеете к нему подходы?

— Никаких. Он закрыт и никого к себе не подпускает.

— Насколько он может быть опасен?

— Галиб — фанатик, умеет добиваться цели и не единожды высказывал угрозы в наш адрес. Если он объявит войну России — нам мало не покажется. В отличие от других командиров, с которыми можно договариваться, он не идёт на компромиссы и считается неподкупным.

— Считается или неподкупен?

— У него есть деньги. Он в них не нуждается. Учитывая его харизму, вышколенную, отлично вооружённую армию, неограниченные финансовые возможности, агрессивную линию поведения — его лучше иметь в друзьях, чем во врагах.

— Другие мнения?

— Согласен, что Галиб очень активно набирает очки. В скором будущем он может стать фактическим лидером Региона. И будет ещё более опасен.

— Галиб — персонаж, который в наибольшей степени может угрожать нашим интересам на Востоке. Он самый опасный, потому что самый сильный.

— Существуют ли для него какие-то политические противовесы?

— Немного, но есть. В большинстве своём это старые, заслуженные боевики, которые, опасаясь вступить с Галибом в конфликт, терпят его, тихо ненавидя и считая выскочкой. Но на открытое противостояние они не пойдут. Слишком силен его авторитет. И слишком он крут и скор на расправу.

— А кто пойдёт?

— Возможно, Джаңдаль.

— Кто это?

— Боевик. Из молодых, да ранних. Провёл несколько знакомых акций. Опасен. Тщеславен. Смел. Прямой конкурент Галибу. Они могут сцепиться.

— Прошу проработать данные фигуры и дать мне информацию по ним не позже... Спасибо всем...

Хотя за что спасибо? За то, что всякий прохожий в том Регионе знает и рассказать может? В любой лавке про это судачат. За что «спасибо», многомиллиардные бюджеты и звания с лампасами?

Не понять... Потому что, хоть ведомств и семь, а дитя у них всё равно без глаза.

Про... глядели «няньки» то дитё!..

* * *

— Я так больше не могу! — сказал Галиб.

Своим голосом... И шмыгнул носом. И чуть не заплакал го-рючими слезами.

— Послушайте! Прекратите ныть! Каждый раз одно и то же — слюни, сопли и вопли! Вы же лидер. Воин Аллаха! Террорист номер один! Возьмите себя в руки!

— Я не могу. Я устал! Вы обещали, что отпустите меня.

— Раз обещал — отпущу. Позже.

— Когда?

— Скоро.

— А скоро это когда?

— Когда придёт время.

— А когда оно придёт? Поймите, я выдохся... Я уверен, что против меня замышляется заговор.

— Кто замышляет?

— Все! Все вокруг! До одного! Меня все не любят...

— Зато бояться.

— Да, бояться! И поэтому убьют. Я не сплю ночами. Я никому не верю. Я вздрагиваю от каждого шороха. Зачем мне всё это?

— Затем, что мы заключили контракт, по которому вы получаете деньги. И немаленькие.

— Зачем мне деньги, если меня убьют?

— У вас надёжная охрана.

— Которая первая перережет мне глотку?!

— Хорошо, давайте мы охрану заменим. Вы замените.

— На кого? На тех, которые могут оказаться ещё хуже? Ещё опаснее? Отпустите меня...

— Ну, хорошо. Потерпите ещё месяц, и мы что-нибудь придумаем.

— Точно?

— Точно... Придумаем.

* * *

Этот разговор был в узком кругу. С глазу на глаз. В полголо-са. С «распущенными галстуками». Между «Хозяином» одной шестой суши. И Охранником, который ближе всего стоял к телу. Тому, которое охранял.

— Что у нас нового по нашему общему знакомому?

— Ничего. Он не даёт о себе информации.

— А если по событиям?

Если по событиям, по эху, то он не сидит сложа руки. Это точно. Там, где он работает, продолжается отстрел известных боевиков неизвестными снайперами. Взрываются схроны. Перехватываются караваны с оружием. Потому что меньше стали стрелять, меньше взрывать, меньше наезжать грузовиками на мирных жителей тихих европейских государств. Не до них теперь террористам, которые изолировались внутри Региона и чинят меж собой разборки. Целые группировки сгорают в огне межродовых и междоусобных войн, сотни боевиков пропадают не за понюшку табака, расходуя боезапас на пальбу друг в друга. Но, конечно, есть те, которые не забывают о главном своём предназначении. И планируют, и едут. Но... не доезжают. И не успевают... Потому что кто-то сливает информацию по готовящимся акциям западным спецслужбам. И им остаётся только перехватывать и мочить боевиков на подходах.

— Кто сливает? Он?

— Вполне вероятно. Это его тактика — решать свои проблемы чужими ресурсами.

— И всё же я не понимаю: как он умудряется? В одиночку? Давай ещё раз. С самого начала.

А если с самого начала, то какая-то сказка выходит... Волшебная.

Жил да был Царь-Государь. Жил — не тужил, мёд-пиво пил, по усам текло и мимо не протекало. Так и дальше жить-поживать, добра наживать собирался. Да случилась беда неожиданная. Постучался к нему прохожий, которого никто не приглашал. Явился ниоткуда. Представился Никем. Но возжелал с самим Царем поручаться. Его послали подальше. А он не ушёл. А стал хранителей

тела Государева подрезать — кому ухо, кому что посущественнее. Отчего те все чуть не разбежались. Как такому отказать?

Встретились. Познакомились. Не подружились.

Рассказал господин Никто про Организацию, которой якобы нет, но которая Первому подчиняется. И под козырёк взял. Мол, чего не прикажешь — всё исполню, жизни ворогов и своей не пожалею! Но про то, кто он и откуда — ни полсловечка. Говорит: «Не положено тебе Царь-Государь про то знать. Чего надо — исполню, а чего нельзя — не скажу. Не обессудь». Странный тип. И тем опасный.

Хотели его извести, да не получилось. Хотели обмануть, да себе дорожке вышло.

И послали его туда, прекрасно понимая куда, сделать то, невозможно что. За тридевять земель, в иноземное царство-государство к злым ворогам, которые по всему миру войну и разорчиняют. Послали, дабы проверку учинить и чтобы от него избавиться. Чужими руками. Свои-то оказались коротки.

14

А он, вместо того чтобы там безвестно сгинуть, развернул бурную и вполне успешную деятельность. Оружием торговать начал, добившись почти монополии. Продавал желающим по дешёвке пластид, дистанционные взрыватели и прочий ходовой диверсионный товар, отследил маршруты следования оружейных караванов, выявил схроны и лагеря бандитские. Узнав местоположение баз и складов, взорвал их вместе с боевиками и материальными ресурсами. Наладил разветвлённую агентурную сеть, покупая сексотов из ближнего к главарям окружения. Вычислив штаб-квартиры террористических организаций, опознал и ликвидировал их лидеров с помощью высокооплачиваемых наёмников. Им — оплачиваемых. Из его карманных средств. И, если судить по масштабам, карманы у него без дна.

А после стал уничтожать воинов ислама пачками, их же руками, провоцируя межродовые конфликты, кровную месть и прочие тёрки. Организовал небольшие, но кровопролитные гражданские войны, стравив всех со всеми. То есть достиг большего результата, чем если бы туда три танковые армии вошли.

— Так всё? Ничего не упустил?

— Так.

Долго сказка сказывается, да быстро дело делается. Извёл добрый молодец злодеев без счёту, да притомился. И в облегчение себе создал фигуру злодейскую, которую Галибом назвал. И всех под него положил, а кто не лёг, тех уничтожил. И стал

тот Галиб первым злодеем, а остальные пошли ему в услужение, сами про себя всё докладывая.

Вот такая сказочка-прибауточка, которая вовсе даже не сказка, а быль!

— Ну что, подобьём бабки?

Подбили.

— Есть Регион в сфере наших интересов. В том Регионе есть человек. Он вроде бы сам по себе, хотя и утверждает, что под Первым ходит... И есть у него Галиб, который де юре управляет Регионом, но де факто работает на нас. Он работает на нас, а наши спецслужбы считают, что против, и называют его главным врагом наших интересов в том Регионе. И всю эту комбинацию замутил незнакомец, которого мы послали туда на убой...

— Но вообще-то он не изобрёл ничего нового, просто использовал хорошо известную тактику, которую применяли ещё немцы во время последней войны, создавая в лесах партизанские лжеотряды, на которые выманивали настоящих партизан и уничтожали их. Или Азеф...

— То есть всё так легко: приехал без прикрытия, аппарата и финансовой поддержки в чужие края, накупил оружия на какие-то непонятно откуда добытые деньги, потом — продал, чтобы пойти по следу караванов, через это вычислил всё террористическое подполье со всеми их тайными потрохами, извёл без счёта боевиков, постреляв и стравив их друг с другом, потом подтянул какого-то случайного бандита, залепил ему рот платком, чтобы не болтал лишнего, запугал или замочил его конкурентов и раскрутил его до уровня верхней в Регионе фигуры, которой теперь все о каждом своём шаге докладывают... Так всё просто?

— Ну да...

— А если всё так просто, может, ты отправишься на его место? Молчишь? Вот и молчи! Подводим итог. Имея Галиба в роли рычага, мы можем контролировать террористов и... направлять их. То есть, называя всё своими именами, используя Галиба, влиять на геополитический расклад в Регионе, добиваясь необходимых нам целей.

— Верно.

— Но... не можем делать это напрямую, потому что взаимодействие с ним идёт через... нашего приятеля. И любой приказ, исходящий от нас, он может вертеть... как и на чём хочет. Отсюда задачи. Первое: нужно добиться прямого подчинения Галиба нам... Второе: убрать из Региона нашего общего друга. Вопрос —